

Соня Саарви

Я ищу Новый год

Из серии "Мы и большое озеро"

Соня Саарви

Я ищу Новый год

«Издательские решения»

Саарви С.

Я ищу Новый год / С. Саарви — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960711-9

Новогодняя повесть из серии «Мы и большущее озеро». Настя подросла, ей уже двенадцатый год. И в голове возникают разные вопросы. Но приближается праздник, и Настю захватывает предчувствие чуда. Только теперь новогодние чудеса открываются ей с новой стороны. В повести есть место и атмосфере праздника, и музыке, и настоящей лесной сказке. Рисунки автора.

ISBN 978-5-44-960711-9

© Саарви С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Скоро, скоро	6
Глава 2. Волшебство	9
Глава 3. Мы делаем ёлочные игрушки	11
Глава 4. Три Медведя	15
Глава 5. Начало	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Я ищу Новый год

Соня Саарви

Сканирование, обработка иллюстраций Ольга Штольц

Иллюстрации Соня Саарви

© Соня Саарви, 2021

ISBN 978-5-4496-0711-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Скоро, скоро

Зима приходит уже в ноябре. И не какой-нибудь там первый снег, а настоящая, всамделишная зима. Она приносит с собой тёмно-синие вечера. Заставляет вынимать из шкафов горы прошлогодней одежды. Делает свет фонарей колючим, как льдышки и щиплется за нос. Зима дует на стёкла, а к картинам на окнах каждый день подрисовывает новые узоры. Красиво она рисует. Я так не умею. Самые лучшие картины – у нас в большой комнате. Целые заросли удивительных инопланетяньских растений. Я хочу понять, как эти узоры устроены. Мы с Лёкой прилипаем носами к стеклу и разглядываем перистые завитки, а мама говорит: «Смотрите, носы примёрзнут!» «Не примёрзнут», – отвечаем мы. Ведь узоры не на этом стекле. А на том, которое ближе к улице. Особенно красиво, когда закат. Растения превращаются в огненные перья жар-птицы. А потом постепенно делаются ярко-синими, будто кто-то раскрасил их синей краской.

Закат начинается скоро после обеда. Когда ещё даже не пора в музыкалку. А рассветает только ко второму уроку. Вот в эти-то дни в шкафах начинают появляться таинственные свёртки. Какие-то пакеты и консервные банки. Но мама делает вид, будто ничего не проис-

ходит. А сама время от времени задумывается и что-то считает, загибая пальцы. Иногда она шепчет:

– Маша, Саша, Кирилл, Олега...

– Мама, а что ты считаешь? – Спрашиваю.

– Подожди, не перебивай. Видишь, я сбилась. Маша, Саша, Кирилл...

И вот наступает декабрь. Деревья присыпаны хрустальной пудрой. Школьную тропинку протаптывают заново каждое утро. Над школьным забором висит голубой фонарь, а впереди светятся громадные окна. На снегу – синие тени. И глубокие следы. Тоже синие. В вышине над нами – три тополя. Они сверкают в электрическом свете как волшебные замки.

Впереди идёт дяденька, везёт на санях мальчишку.

А у нас с Лёкой на шальных вокруг лица иней. Хорошо, что недалеко идти. Я смотрю на эти огромные тополя и думаю: вот бы нарисовать. Чтобы такое тёмно-синее утро, воздух сладкий с горчинкой, немного больно дышать. Вдалеке – красные огоньки на трубах. В тополиных ветках запуталась утренняя звезда. А свет школьных окон почти уютный. Не то, чтобы совсем уютный, а вот именно, что почти. А как передать, что скоро между домами, вон там, далеко, начнёт светиться оранжевая полоска? Ведь пока ничего не светится! И эта звезда в вышине, и сверкание тополей. Как их нарисовать?

А однажды иду я из продуктового и вдруг вижу: картинка в витрине «союзпечати». Простая открытка: еловая ветка и шарик. Ничего особенного. Только вдруг так захотелось праздника. Хотя мне уже и одиннадцать. Вспомнились ни с того ни с сего снежинки из бумаги, сугробы из ваты. Рисунки на стёклах. И металлофон из мешка с подарками. И начало каникул. И как приходишь куда-нибудь в гости с мороза, а там все весёлые и чай пьют. С печеньями.

А ещё мандарины, грецкие орехи в фольге, свечи и открытки. И вечера, когда можно рисовать сколько влезет. Что же такое Новый Год? – думаю я. – Это сладости и салаты? Или получать подарки? Или, может быть, весёлые передачи по телевизору? Весёлые взрослые? Мультки и сказки целый день? Или всё дело в гирляндах и ёлочных шариках? Чем ближе Новый год, тем больше я задумываюсь. Вот наступит тридцать первое. Мы поедем к Галеевым. Взрослые устроят нам праздник. Надарят всяких штук. Будет вкусная еда. Серпантин бумажный. Здорово! Но ведь... Раньше-то я маленькая была. А теперь хочется чего-то непонятного. Вот бы такой праздник устроить, чтобы сказка пришла по-настоящему. Не-по-куп-ная...

Глава 2. Волшебство

Однажды вечером мама открыла папин секретер. Я люблю, когда его открывают. Потому что там, в пахнувшей загадками тьме, живут наши самые таинственные книги. Их можно смотреть только здесь, за столом. А не на полу или в кровати, как я люблю. Зато когда их открываешь, то попадаешь словно в другой мир.

Где жуки и, допустим, стрекозы – это не какие-то там глупые букашки, а сложно устроенные организмы. Где можно посмотреть, как выглядят микробы. Как делятся клетки и питается улитка. Можно подолгу рассматривать разных животных и птиц. Можно путешествовать по разным странам – и даже по Космосу.

Ещё в том волшебном секретере есть разные интересные штуки из прежних времён. Блестящие колбы с пробирками, как у настоящих волшебников. Есть одна совсем странная колба с кучей стеклянных трубочек, которые торчат во все стороны. И непонятный прибор с циферблатом и маленьким колёсиком внизу. Рядом – старинная лупа. Удивительные чертёжные инструменты в деревянной коробочке с бархатом. Старые краски в тюбиках. Папины рисунки, которые почему-то пахнут хлебом. А ещё там есть сломанный фотоаппарат, альбомы с фотографиями. И толстенная пачка открыток. Бабуля говорит, эти открытки начали копиться ещё до того, как родились наши мама и папа.

И вот сейчас мама достала эту увесистую пачку и плюхнула на середину стола. Потому что Лёке велели принести в школу открытки на новогоднюю тему. Мама с Лёкой забрались на диван. Бабуля пила чай в своём любимом кресле. Я тут же устроилась вместе со всеми.

«А уроки?» – спросила мама. «Я всё», – сказала я. А что, осталось только повторить правило по русскому. И вот мы принялись за открыточную башню.

Бабуля отпивала чай, брала по одной карточке, читала надписи и рассказывала. Про то, как они жили в Сибири после войны. Какие там холодные зимы – холоднее, чем у нас. Как переехали потом в наш город. Про комнату в гостинице, в самом центре. Они там не гостили, а просто жили. И бабуля качала головой, когда об этом рассказывала. А я думала: это же интересно. Весело. Как стирали в тазике, а бельё вывешивали в длинном «общественном» коридоре. И про маленькую маму интересно, как она каталась по этому коридору на деревянном самокате. И играла с мальчишками в заштопанный мяч, когда их почему-то не пускали на улицу.

И как они уронили мяч из окна и попали в какого-то очень важного дяденьку. А дяденька оказался весёлый и никого не наказал, только маме от бабули попало. И про Банный день. Про горячую воду, которую котельная грела раз в две недели. И во всём коридоре тогда от пара стоял настоящий туман. И они готовились к банному дню, как к празднику. А потом везде, по всему общежитию, висело бельё, и здорово было сидеть в полотенце, и сохнуть, и ужинать вкусной картошкой с чаем и чёрным хлебом.

А мы пока выбирали из этой стопки новогодние открытки и делили на кучки.

В первой кучке были совсем старые. Чёрно-белые или раскрашенные от руки. Мама сказала, что они самые ценные, потому что это – уже история. И их никуда носить нельзя.

Во второй кучке по открыткам скакали олени, бродили рыси, крались лисицы. На еловых лапах сидели пушистые белки. А в снегу притаились зайцы с блестящими глазами. Солнце пробивалось сквозь лесное кружево. Свиристели и снегири клевали рябину... Нам с Лёкой эти открытки нравились больше всего.

Рядом была стопка с ёлками и свечами. Шарик, дождик и мишура напомнили о чём-то уютном.

В третьей кучке были Снегурочки и деды Морозы. Снеговик, фигуристы, олимпийский мишка, и космонавт. И разные смешные зверята, которые дарят друг другу подарки.

И была ещё одна кучка, в которую мы собирали всё, что не вошло в предыдущие.

Я смотрела на это расписное богатство, смотрела... И вдруг подумала: вот бы самой нарисовать открытки всем нашим. Несерьёзное, конечно, занятие для человека в одиннадцать лет. Зато ни у кого таких больше не будет. И потом. Было в этом вечере с открытками что-то сказочное. А что – никак не понять.

Глава 3. Мы делаем ёлочные игрушки

Мама достала из сумки какую-то блестящую трубочку. Сплюснула руками с концов, взяла за подвеску, и вдруг оказалось, что это фонарик из зеркальной плёнки. Был вечер. Свет люстры заставил фонарик сверкать и переливаться. Рыжий Тима с висячими, как у собаки, ушами запрыгнул на кресло и тронул фонарик лапой. По комнате полетели искры.

– А мы такие ещё в садике делали, – неожиданно для самой себя сказала я. – Только не блестящие.

– А как? – тут же встрепелась Лёка. – Ну ка-ак?!

– Ой, вы будто не делали?

Лёка сжала кулаки и приготовилась разобраться со мной по-свойски.

– Настя, не дразни сестру. Расскажи. А лучше покажи.

– Да, покажи, – сказала Лёка.

И я, притворно вздохнув, скорее пошла за бумагой.

– Ну На-астя! Ну кто так делает? – Сказала мама через некоторое время. – Где у вас тут линейка? Нужна линейка. Ну-ка подвиньтесь, мадамы.

Это был отличный вечер. Мы втроём придумывали, вырезали и клеили. Было так уютно и здорово! Когда мама сказала «спать», у нас уже образовалась целая коллекция разноцветных фонариков.

Назавтра мама принесла бархатную бумагу, фольгу и картон «для творчества». За окном уже давно было темным-темно. Сквозь узоры на окнах переливались огоньки, как будто за окном не город, а какая-то сказочная местность. Сначала мы клеили гирлянды для школы. А потом принялись фантазировать. На столе выстроились хороводы снежинок, домиков и цветных сундучков с аппликацией. Конечно, мне уже целых одиннадцать лет, и надо заниматься

серьёзными вещами. Но мне нравилось, как пахнет подсыхающий белый клей, как шуршит бумага и звякают ножницы. Как Лёка с мамой тихо переговариваются, а Тима пытается стащить со стола бумажные завитки. Только хотелось сделать что-то особенное. Я вырезала из бумаги хор. Настоящий бумажный хор в несколько рядов с роялем и хоровичкой. И разрисовала цветными ручками. Я хихикнула: вышло похоже! Но его поставил – и вот он стоит. Даже клея не нужно. Что бы такое сделать поинтереснее?

Я подумала, что вот бы смастерить волшебные часы с секретом. Чтобы стрелки сами крутились, чтобы на часах были дверцы, которые бы открывались, когда на них покажет маленькая стрелка. И оттуда бы выглядывали разные животные. И ещё сделать луну и звёзды, которые бы кружились вокруг циферблата... Я стала думать. Когда-то (а именно – в третьем классе) я пыталась починить наши стенные ходики. Вот они висят на стене: чудесные ходики с нарисованными медведями и гириями на цепочке. Я начала их разбирать, но получилось не до конца, потому что колёсики не снимались. Казалось, что устройство часов яснее ясного. Колёсико цепляется за колёсико, зубчик за зубчик. Ничего сложного. Только пружинку завести и смазать как следует. Я утащила немного сливочного масла из холодильника. И часы даже немного потикали. Целых пять минут. Но вот сейчас я повозилась с ножницами и картоном и поняла, что сделать колёсики почему-то не получается. А стрелки вышли кривые. Единственное, что у меня получилось – это разноцветные звери из бархатной бумаги, склеенные так, чтобы бархат был с двух сторон.

Тогда я решила, что переделаю всё заново, и уж тогда часы точно получатся, пусть без колесиков. Только было уже поздно, Лёка начала засыпать прямо в кресле, и пришлось, как говорит наша мама, закругляться.

На следующий день, в пятницу, Лёка с мамой принялись за открытку для школы. Они наклеили на альбомный листок тёмно-синюю новогоднюю ночь из цветной бумаги. Нарезали

старую мишуру и прилепили, как звёздочки, к небу. Потом они приделали жёлтый месяц на кусочек стиральной резинки, так что месяц получился объёмный. Потом приклеили снег из ваты. А в снег поставили домик. Тоже объёмный, с весёлым жёлтым оконцем и дверью, которая открывалась. Теперь они принялись за объёмную ёлку. Для этого им надо было вырезать три одинаковых ёлочки. «И склеить их так, так и так», – объяснила Лёка. И пока я смотрела, как они вырезают и клеят, ко мне в голову пришла мысль. Надо смастерить всем подарки! Каждому по мешочку подарков. Вот тогда будет праздник. Я притащила папин этюдник. Во-первых, для каждого нарисую по особой новогодней картине... Папины масляные краски сохнут долго, зато они яркие, объёмные, и легко смешиваются! Пусть эти картины будут совсем небольшие. Величиной с открытку. А ещё я положу каждому парочку зверей или птиц из бархатной бумаги и ещё что-нибудь придумаю...

– Это тёте Эмме, – пробормотала я, покрывая белилами первую картонку.

– Настя, что ты делаешь? – тут же спросила Лёка.

– Секрет! – быстро сказала я и спряталась за этюдник. Лёка проползла вдоль дивана и стала заглядывать.

– Не смотри! – сказала я. Ну что она, не понимает что ли!

– Настя делает подарки. – Сказала мама. – Видишь, она не хочет, чтобы смотрели.

– А я хочу! – сказала Лёка.

– Ну Лёка, ну пожалуйста! – сказала я, – ну это пока секрет. Потом увидишь. На Новом Году.

– А я хочу сейчас! Дай посмотреть! Ну дай!

– Лёка, подожди, – быстро сказала мама. – Так ведь будет неинтересно. В Новый Год всё увидим. А вот мы с тобой тоже будем делать подарки.

– Секретно! – надулась Лёка. – И никому не покажем до Нового года, – Лёка сверкнула глазами. – Даже Настьке.

– Так же интереснее! – сказала мама.

Лёка немного подумала и согласилась.

– Это будет тёте Эмме, – зашептала она, и я вернулась к своим картинкам.

А утром мы заболели. Делать ничего не получалось. Мы тихо валялись под одеялами, глотали таблетки, дышали сосновыми почками и пили малиновый чай. Мама с бабулей говорили, что по школе «ходит простуда», а мне простуда представлялась хмурой худой тёткой в белом халате. Она ходила туда-сюда по нашим школьным коридорам и пахла лекарствами. Дышать было больно. Только на четвёртый день мне захотелось просто так выбраться из-под одеяла. Мама была на работе. Бабуля налепила на меня перцовый пластырь, велела хорошо себя вести и ушла в магазин.

Под внимательным Лёкиным взглядом я откинула своё одеяло и осторожно встала босыми ногами на пол. Голова почти не кружилась. Я сделала шаг от кровати, потом ещё один, представляя, что это я отчаливаю от берега в море. Рыжий вислоухий морской котик с любопытством глядел на меня, обвив лапы совсем не морским хвостом.

– Настя. Тебе что бабуля сказала, – строго пробурчала Лёка из-за своего одеяла.

– Я сейчас. Только быстренько, и сразу вернусь. – Сказала я и закашляла. Голос был хриплый.

Вернулась я с этюдником, картонкой, бархатной бумагой и книжкой про Маугли. Тогда Лёка попросила принести ей «ту красную папку с завязочками, ножницы, и клей». И вскоре сосредоточенно засопела над своими подарками. Я тоже приступила к работе. Для мамы у меня была ёлочка посреди ночного зимнего леса. Основа давно высохла, и я стала рисовать разноцветные шары и фонарики. Потом наметила бусы и стала обводить украшения прозрачным желтоватым свечением. И по крошечной точке белил на каждый огонёк или шарик! Картинка

ожила. Мне уже не терпелось поделиться с кем-нибудь. Да хотя бы и с Лёкой. Но тогда получится, что я сама первая не утерпела. Было как-то неловко начинать разговор. Как вдруг Лёка сипло сказала:

– На-астя-а.

– Чего?

– А давай подарки посмотрим? – Настала тишина. Я сказала:

– Это же секрет.

– А мы наши, которые нам, не будем показывать. Ну давай.

Тогда я взяла все открытки, которые были готовы, – кроме Лёкиной, разумеется, – осторожно прихватила за края мамину, с ёлочкой, и перелезла к Лёке на кровать. Лека сказала «ух» и тут же принялась обезьянничать: «а для тёти Нины я сделаю ёлочку, а для мамы – ветку с шариками...» Раньше меня это злило, а теперь почему-то нет. Наоборот, я сама с удовольствием разглядывала Лёкины подарки. И какая-нибудь простая-препростая принцесса в кривом платье нравилась мне гораздо больше, чем мои собственные изысканные картинки. Как будто Новый Год именно тут и есть, в её простых первоклашкиных поделках.

Глава 4. Три Медведя

Дверь морозно хлопает. Деревянный стук и пружинный скрип исчезают не сразу. Как будто на мгновение примёрзли к воздуху. Соседской машины во дворе не видно. Пусто и тихо.

Мы вывалились из подъезда в своих мохнатых шубах как Три Медведя. Топчемся на крыльце. Мама говорит, что вот, у нас шубы искусственные, а мне всё равно. Ну и что в том такого, что искусственные? Зато мы похожи на трёх медведей. Мама и я – коричневые, а Лёка – чёрный такой медвежонок. Поднимаю голову и вижу тень – бабуля смотрит на нас из окна, провожает. Мы помахали. Скоро к ней приедет тётя Тамара. А мы спускаемся с крыльца на скрипучую дорожку. Здесь темно. Мама устраивает огромный мешок на санках, а мы с Лёкой несём рюкзаки. Ну словно на Таватуй собрались. Только рюкзаки не такие тяжёлые.

И вот мы со своими санками вырливаем из двора. Снег искрится под фонарём. А мне почему-то кажется, что этот вечер особенный. И люди кругом все особенные. Где-то в стороне плывёт желтоватое лунное яйцо. Оно время от времени выглядывает из-за крыш. А в окнах начинают загораться гирлянды. Разноцветно мигают то тут, то там. Вон рубиново светит звезда. В овощном – дождик и мишура. Под мишурой – очередь. Всё это видно в громадные стёкла, словно в аквариуме.

А трамвая нет и нет. Мама волнуется. Скоро половина восьмого, а мы ещё и до автобуса не доехали.

Я удивляюсь: половина восьмого! Мне казалось, уже часов десять. Так долго мы собирались. А потом сидели с бабулей, провожали Старый год. Перед нами бубнил телевизор, а мама всё вскакивала, суежилась, проверяла манники в духовке. Один – бабуле с тётей Тамарой, а один – нам, с собой. И пихала что-то в полный мешок. И проверяла по списку в своей

записной книжке. И вот, наконец, мама сказала: «Ну, готово!» А мы с Лёкой вручили бабуле по свёртку, поцеловали её и строго-настрого велели открыть только после Нового года.

Раньше мы к Галеевым ехали через весь город на куче разных трамваев с пересадками. Это было настоящее путешествие. За такое большое время я всегда успевала придумать какую-нибудь историю. А Лёка – поспать, поканючить и поиграть со своим рыжим тряпичным котёнком. И тут мама открыла этот тридцать третий автобус. «Полчаса, и мы на месте». Я сначала не слишком-то обрадовалась. Во-первых, в автобусе меня просто-напросто укачивает. И пахнет бензином. Во-вторых, этот автобус едет по таким тёмным коридорам из высоких заборных стен, что становится не по себе.

А в-третьих... Ну, а как объяснить это моё «в-третьих»? Это «в-третьих» означает, что путешествие делается совсем коротким. И тогда выходит, что не в таком уж мы и далеке живём от Галеевых. А это попросту неинтересно. Но что делать: наша мама любит вот так раз-раз, побыстрее. Зачем, говорит, время на дорогу тратить, если можно потратить его с Галеевыми. Вообще-то и правда, зачем? Да и на тридцать третьем загадочности хватает. Заборы по сторонам высоченные, будто мы едем по лабиринту. Не видно ни людей, ни домов. Машины редкие-редкие. И фонарей мало. Настоящий тоннель времени, как в фантастике. Названия тоже странные: «холодильник», «овощебаза», «вторая проходная», «завод алюминиевых изделий». И вот мы выезжаем из тоннеля на свет. Дома. Фонари. Светофоры. Люди на улицах...

Всё как у нас. Но это уже другая планета. Галеевская.

К тому-то космическому автобусу и привёз нас гремучий трамвай с белыми окнами. Такой морозный, что мы не стали садиться, так и простояли несколько остановок, переминаясь с лапы на лапу.

На автобусной остановке скопился народ. Все недовольно косятся друг на друга. Новый год, а они косятся. И чем дольше ждут, тем больше косятся. Покряхтывают. И пар клубится в фонарном свете...

– А она вообще тут со своим мешком, – говорит какая-то тётенька. Мама пожимает плечами и отходит вместе с нами в сторонку. У меня уже нос щиплет от стояния, я тру его варежкой. Лёка спрятала нос в свою шаль. «Настя. Закройся, – говорит мама, – а то отморозишь щёки опять.» Я не хочу отморозить. Бабуля нам на дорогу намазала лицо специальной помадой. Но всё равно воздух щиплется. Приходится закрываться платком. Тётенька всё бурчит. Я хочу понять, что за тётя такая, но мама велела стоять рядом и не отходить.

И вот толпа облегчённо вздохнула, выпустив облачко особенно белого пара. Пришёл автобус. Небольшой, кривобокий. И какой-то весь закопчённый. Навис над нами, открыл двери гармошкой, а пол и ступенька такие скособоченные, сверху-вниз на нас смотрят. Даже ступить туда страшно, не удержишься и обратно из двери на землю съедешь. И под этим скособоченным полом что-то длинькает. Динь-длинь-дилинь. Динь-дилинь... Но думать некогда. Все посмотрели секундочку на эту кособокость, и вдруг как полезут! Мама быстро санки схватила, мешок, и давай нас в автобус запихивать.

«Товарищи пассажиры. Держитесь за поручни», – говорит сердитый водитель в микрофон. Свет почти не горит, а ещё и мигает. Мотор всё длинькает. Народ упикивается, как может, и тут тётенька опять откуда-то со стороны: «А ещё эта со своим мешком. В шубе. Богачка!» Мне почему-то стыдно. Не скажешь ведь ей, что это на всех. Что там и еда, и подарки, и наши специальные платья, которые мама сама шила.

«С мешком. Встала тут».

Странно. Тётенька была тоже в шубе. Да и какая же мама богачка?

– Буржуйка, – сказала тётенька громко. Она уже пролезла дальше, и мы ей совсем не мешали.

– Прекратите. Вы видите, я с детьми! – строго сказала ей мама. А дяденька, похожий на дядю Валеру, который самолеты чинит, только постарше, с такими же синими самолётными глазами, подмигнул мне и тихо сказал: «не слушай ты её». Мама тоже сказала: «не слушай. У человека настроение плохое.» Тётенька снова начала говорить про буржуев, но тут на неё зашикали, и она ворчала всю дорогу себе под нос. Пока не вышла на «Звёздочке». И одну остановку мы проехали в тишине. Нам даже место уступили – целое сиденье, а то бы пришлось держаться за железные трубки изо всех сил. Народу-то стало поменьше, и мы со своим мешком и санками начали скатываться под уклон.

А когда мы вышли, то я поняла, что в автобусе-то было тепло. Хрустальный холод сразу закусал нос и щёки. Снова взялся за варежки и сапоги.

«С-с-с», – сказала я и переступила ногами.

– Вот. Не захотела валенки, – сказала мама, – Лёка в валенках, и как хорошо. Да, Лёка? Свёрток из шубы и шали слегка шевельнулся.

– Да ну. Мама, ты сама в ботинках, – сказала я.

– У меня-то ботинки с войлоком, – сказала мама, – как у валенок. А то я бы так в валенках и ходила. Помнишь, как в прошлом году...

Мама снова устроила на санках мешок. Нас окружали лабиринты огней до самого неба. Я не могла сообразить, по какой же тропинке между этих огромных стен с тысячами окон надо пойти? Мама показала рукой: «вон туда». Вообще-то с мешком вышло не очень удобно. Мы забыли верёвку, и по дороге нам с Лёкой приходилось его постоянно придерживать.

– Мама, давай, я теперь повезу, – сказала я и опять помялась от холода.

– погоди, я придумала. – Сказала мама. – Лёка, хочешь прокатиться?

И вот Лёка уселась на санки. За спиной у неё был рюкзак, спереди она обхватила мешок. А мы с мамой взяли за верёвочку.

– Ну, тронулись, – сказала мама, и мы покатали санки по утоптанной тропинке.

И тут же забылись и автобус, и хмурая тётя, и даже щипание в пальцах. И началась сказка. Стены расступились. Тропинка повела нас через широкий, светлый двор. Кругом возвышались гигантские горные массивы с окнами. В окнах на все лады перемигивались гирлянды. Люди, проходящие мимо, смотрели на нас и улыбались. Снег был похож на пломбир и переливался под голубыми и жёлтыми фонарями. Какая-то собака в стороне носилась по этому снегу, валялась и всё пыталась уронить в него свою хозяйку. Сбоку от тропинки стояла снегурочка с глазами из веток и с красивой снежной косой. ещё подальше красовался снеговик с палочкой вместо носа и в настоящей лыжной шапке.

– Галеевы нас, наверное, совсем заждались. Что ты, Настя, руки замерзли? – Я то и дело стала менять руки, сжимая то одну, то другую в кулак.

– Лёка, а ты не замёрзла? – спросила мама. Лёка закивала.

– Пробежишься?

Свёрток из шубы и шали опять кивнул. Лёка слезла с санок, я налегла на мешок сзади, и мы скорее, скорее дотопали до галеевского дома, который тоже переливался десятками жёлтых окон и разноцветных гирлянд.

Глава 5. Начало

– Ну вот, мы быстренько-быстренько добрались. – Сказала мама, пока открывалась дверь.

– Да-а, быстренько! Я во сколько велела быть? – протянула наша тётя Эмма, появляясь в дверях. Из-за неё выглядывали Саша, дядя Алик и Кирилл. Откуда-то вихрем вылетела Маша и бросилась обнимать наши шубы.

– Ты куда, холодно же! – воскликнула мама.

Но Маше всё нипочём.

Если нас поставить по возрасту, то получится лесенка. Только нас с Кикой надо поменять местами. Тогда самым маленьким в лесенке будет Саня Галеев, он ещё в подготовительной группе. Потом Лёка, за ней Маша Галеева – она уже во втором. Потом я, а потом Кика. Хотя я его немножко старше, но он меня здорово выше. Ещё Кика носит очки, и поэтому вид у него ужасно умный. Как у профессора.

– Ой, что это вы такое притащили!? – весело сказал дядя Алик, папа Сани и Мани. – Давайте, я помогу.

– Подарки дед Мороза, – сказал Саня и, хихикнув, нацелился ткнуть мешок пальцем.

– Цыц! – прикрикнула мама, а дядя Алик под предводительством тёти Эммы уволок мешок на кухню.

Пока мы раздевались, с кухни то и дело доносились возгласы тёти Эммы:

– Нет, ну какие вы молодцы! Как всё довели-то!?

Потом я стояла в дверях большой комнаты, глядя на яркий свет. Руки щипало. Сильнее и сильнее. Сунуть под воду, или лучше не надо? А тут ещё начали согреваться пальцы на ногах. Уя, уя, уя! И почему я валенки не надела!? Пришлось наклониться и обхватить пальцы руками. Я увидела, как мама с Лёкой вышли в коридор, и мама растирает Лёке ладошки.

– Вот. Теперь пойдём, под тёплую водичку. Настя, ты как?

– Нормально, – сказала я и поморщилась. – Уже проходит.

– Всё равно. Иди-ка сюда, погреем.

...

Посреди комнаты белел стол с кучкой блестящих вилок. Кика сидел между дядей Славой и тётей Ниной, важный-преважный, и не обратил на меня никакого внимания. Только слегка кивнул с чинным видом. Ха. Ну и ладно. А я вот тоже не буду начинать разговор.

Тётя Нина держала на руках Петьку Галеева. Петька удивлённо смотрел вокруг и медленно тянулся ко всему, что видел перед собой. Тётя Нина вытягивала из его кулачка то край скатерти, то свой рукав, то кончик причёски.

Петька заметил нашу маму, заулыбался и потянулся в её сторону.

– Ой, Петюнька, Петюнька, – обрадовалась мама, – Нина, давай, теперь я подержу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.